

Левшун Любовь Викторовна

доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
истории и грамматики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Lyubov Levshun

Habilitated Doctor
of Philology, Professor, Professor
of the Department of History and
Grammar of the English language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ll55@mail.ru

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И ГОРИЗОНТ ОЖИДАНИЯ

В статье подвергается сомнению присущий современному литературоведению горизонт ожидания в отношении идентификационных возможностей, которыми обладает литературное произведение. Автором учитывается, с одной стороны, неизбежная вымысленность литературного произведения, с другой – столь же неизбежная субъективность восприятия произведений художественной литературы. Рассматриваются такие значимые для формирования личностного идентитета (совокупность характерных черт, свойств, качеств, специфицирующих данную личность) аспекты, как критерии истины и способ познания; отношения с социумом (этика социальной жизни) и обуславливающая их система ценностей (аксиология); эстетические приоритеты и виды удовольствия. Выявляется, при каких условиях литературное произведение может быть фактором и мотиватором истинной идентичности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: художественная литература; идентификационный потенциал; идентичность; симулякр; критерии истины; этика; система ценностей; эстетические приоритеты.

IDENTIFICATION POTENTIAL OF FICTION: PROBLEM FIELD AND HORIZON OF EXPECTATION

The article questions the horizon of expectations inherent in contemporary literary studies regarding the identification possibilities that a literary work possesses. The author takes into account, on the one hand, the inevitable fictionality of a literary work, and on the other, the equally inevitable subjectivity of the perception of works of fiction. Aspects that are significant for the formation of personal identity (a set of characteristic features, properties, qualities that specify a given personality) are considered, such as the criteria of truth and the way of knowing; relations with society (ethics of social life) and the value system that determines them (axiology); aesthetic priorities and types of pleasure. It is revealed under what conditions a literary work can be a factor and motivator of true identity.

Key words: fiction; identification potential; identity, simulacrum; criteria of truth; ethics; value system, aesthetic priorities.

Человек является единственно возможным субъектом литературно-художественного творчества (вопрос о «творчестве» искусственного интеллекта оставляем за скобками). Основным предметом познания художественной литературы также есть человек во всех аспектах его проявлений (автор, персонаж, читатель), потому что именно художественная литература «хранит, накапливает и передает от поколения к поколению эстетические, нравственные, психологические, религиозные, философские, социальные ценности» [1]. Вместе с тем и главным «потребителем», а еще и со-творцом этого специфического «продукта» также выступает человек.

Казалось бы, все эти факторы дают основания утверждать, что эта область человеческого творчества обладает высочайшим идентификационным потенциалом. И действительно, художественная литература устойчиво воспринимается как фактор и вместе с тем мотиватор формирования идентичности (лат. *identifico* 'отождествлять, устанавливать совпадение'), причем как для читателя, так, в не меньшей степени, и для автора, в самых разных аспектах: национальном, социальном, конфессиональном, этическом, психологическом, гендерном, профессиональном, эстетическом и т. д.

Вместе с тем неоспоримо и то, что художественная литература есть оформленное словом подражание *вымышленным* предметам, то есть по сути – симулякрам (лат. *simulacrum* 'подобие, копия'). Даже произведения, созданные на документальной основе, все равно не являются фотографической фиксацией реальности, а лишь ее субъективной интерпретацией. «Отличительным свойством литературы, – как отметил в свое время американский литературовед-компаративист Рене Уэллек, – является именно ее "вымышленность"» [2, с. 42, 43], а «самое основное, – если обратиться к характеристике, данной О. М. Фрейденом, – состоит в мелькании правды и обмана, в игре мнимого и настоящего <...> не только обман принимается за правду, но и самая правда в какой-то мере есть обман» [3, с. 38, 40] (правда, исследовательница характеризовала так, собственно, паллиату, но данная характеристика представляется справедливой для всех произведений художественной литературы). И этот неоспоримый факт существенно сужает горизонт ожидания в отношении идентификационных возможностей и алгоритмов, свойственных литературным произведениям, и вынуждает определиться с проблемным полем исследования данного феномена – идентификационного потенциала художественной литературы.

Вынужденная (можно даже сказать *объективная* вымышленность) художественно-литературных произведений отчасти может быть объяснена тем, что и сам по себе «реальный факт/событие» – даже для его непосредственного участника – выступает отнюдь не в модусе своего объективного бытия, а лишь как совокупность субъективных восприятий-интерпретаций реципиента, иначе сказать – «кажимостей» объективного бытия данного феномена. Причем «кажимости» разных реципиентов относительно одного и того же факта/события/актера могут не только существенно различаться, но и противоречить одна другой или же вообще взаимоисключать одна другую. Субъективность же восприятия каждого из свидетелей-интерпретаторов – тоже *вынужденная* и *объективная* – обосновывается рядом разнородных факторов, которые были выявлены и классифицированы еще в античных риториках и поэтиках (возраст, пол, образование, профессия, социальный статус, семейное положение, физическое здоровье, актуальное эмоциональное состояние и т.д.). Данная закономерность, несомненно, распространяется и на восприятие поэтического (здесь от греч. ποιησις, 'творчество, сотворение') произведения. В самом деле, ведь «текст находится в динамических отношениях с автором и читателем, в них вмещивается и литературный герой. В этих разнонаправленных связях решается вопрос об идентичности автора и героя, героя и читателя, автора и читателя» [4, с. 19].

Исходя из вынужденной субъективности восприятия (как объективного свойства человеческого существа) следует признать, что один и тот же литературный герой/ событие/ явление для разных читателей будет выступать, по крайней мере, как носитель РАЗНЫХ (причем *непредсказуемо* разных!) идентичностей и вообще далеко не всеми читателями может быть замечен – то есть стать объектом для отождествления.

Но допустим частный и самый благоприятный вариант: герой того или иного литературного произведения «уважать себя заставил» и мотивировал читателя на идентификацию – запустил в нем частично лишь осознаваемый, а подчас бессознательный психический процесс ассоциирования себя с другим, этим самым героем, – по каким-либо признакам. В каких значимых для формирования личностного идентитета аспектах чаще всего происходит эта идентификация? Можно предложить следующие: критерии истины и связанный с ними способ познания; отношения с социумом (этика социальной жизни) и обуславливающая их система ценностей (аксиология); эстетические приоритеты и виды удовольствия. Что же происходит в процессе отождествления читателем себя с персонажем литературного произведения в одном из названных аспектов?

К р и т е р и и и с т и н ы и с п о с о б п о з н а н и я. Тут, думается, прежде всего следует обратить внимание на то, что литературный образ «вымысливается» не на основе непосредственно эмпирической реальности, а является результатом художественного мимесиса (и его последующей вербальной фиксации), которому подвергается субъективное восприятие (образ) действительности в сознании автора.

Иначе говоря, произведение художественной литературы по сути своей не просто вымысел (fiction), и даже не вымысел второго порядка (платоновский тезис «тень тени истины»), а его отражение в словесной ткани произведения – «тень тени тени истины». Опыт восприятия-интерпретации разнообразных явлений окружающей действительности (субъективную «кажимость»!) автор претворяет в правдоподобные симулякры, которые правдоподобно описываются и преподносятся читателю как образ некоего аспекта или части бытия. Именно поэтому, как давно уже подмечается, произведение художественной литературы *не поддается проверке на истинность*: оно не может восприниматься ни как истинное, ни как ложное. И это понятно, поскольку симулякр, не имеющий в реальности означаемого объекта, находится вне сферы подобного рода суждений. Значит, читатель, который «открывает» для себя в литературных произведениях истину, идентифицирует себя, очевидно, не с истиной, а с тем симулякром «кажимости» истины, которую он (читатель) вслед за автором в состоянии постичь. А это уже четвертый уровень искажения.

В связи с этим убежденность в том, что художественная литература помогает читателю идентифицировать себя как субъекта, обладающего теми или иными критериями различения истины и лжи, представляется сомнительным. «Может ли тот, кто ни об одной вещи не знает истины, различить сходство непознанной вещи с другими вещами, будь оно малым или большим?» – вопрошает Платон в «Федре» [5, с. 262]. Симулякр может содействовать лишь постижению действительности в сознании (субъективной интерпретации) данного конкретного автора. Да и то настолько, насколько читатель конгениален автору. Но такая идентификация конвенциональна и сама весьма похожа на симулякр.

Э т и к а с о ц и а л ь н о й ж и з н и – следующий личностный идентификат – включает, в числе прочего, все те же критерии различения истинного и ложного, которые здесь облекаются в понятия дозволенного (приличного) / недозволенного (неприличного) уже в сфере общественных отношений. И приведенные выше аргументы дают нам все основания

усомниться в том, что литературное произведение, которое само по себе не является ни истиной, ни ложью, может способствовать такой идентификации.

Нужно учесть еще один немаловажный фактор: автор литературного произведения, как известно, создает своих героев и антигероев, используя такие инструменты, как идеализация, обобщение, типизация, различные топосы и т. д. Не следует ли из этого, что читатель, идентифицируя свое бытие и социальное поведение с действиями персонажей, ситуациями, нравственными выборами и т.д. и таким образом приобщаясь к той или иной системе ценностей, не столько *научается* выстраивать человеческие отношения по принципу К. С. Станиславского «слышу, вижу, отвечаю», сколько *программируется* на определенные ценностные ориентации и стереотипы поведения. Причем эти стереотипы – либо броские обертка/этикетка/ярлык, часто не имеющие ничего общего с наличными качествами индивида-читателя (и тогда происходит не идентификация, а закомплексовывание реципиента), либо – прокрустово ложе, принуждающее читателя в процессе «идентификации» отсекал от своей личности то, что не вписывается в социально одобряемый (или же, наоборот, бунтарски противостоящий правилам социума) стереотип. Ни то, ни другое, думается, не способствует адекватному формированию личностного идентитета. Скорее наоборот – препятствует самораскрытию личности, ограничивает свободу ее самоопределения, навязывает изначально чуждые ей ценности и поведенческие стратегии как ценные и одобряемые данным социумом.

Наконец этический идентификат предполагает, что автор, его формирующий и транслирующий, и сам придерживается той системы ценностей и тех принципов бытия, которые проповедует. Однако, как свидетельствует опыт, такое случается крайне редко. Известно, что многие из талантливейших писателей обладали весьма сомнительной нравственностью, далеко не соответствующей тому этическому идеалу, который они (подчас высокохудожественно и обаятельно!) представляли в своих произведениях.

В этой связи нельзя не упомянуть тот известный факт, на который указывал еще Платон в «Государстве»: «и поэты, и те, кто пишет в прозе, большей частью превратно судят о людях; они считают, будто несправедливые люди чаще всего бывают счастливы, а справедливые несчастны; будто поступать несправедливо – целесообразно, лишь бы это оставалось в тайне, и что справедливость – это благо для другого человека, а для ее носителя она – наказание» [6, кн. III, 392b]. Возможность идентификации по данному основанию несомненна, но действительно ли этична?..

В целом, убежденность в том, что художественные произведения могут *формировать* систему ценностей, представляется логическим перевертышем. Не вернее ли полагать, что, наоборот, сами произведения искусства являются продуктом *уже существующей* в сознании их авторов (но, значит, и в социуме, к которому эти авторы принадлежит) и декларируемой им (или опровергаемой) системы ценностей. Причем система эта опять-таки существует лишь в субъективном восприятии реципиентов, и эти восприятия могут (см. выше) весьма отличаться. Как верно заметил Ю. М. Лотман, «только художественные тексты могут быть предметом взаимоисключающих аксиологических оценок» [7, с. 206]. Думается, и в данном случае мы имеем дело не с фактором идентификации личности как таковой, а с формированием в социуме (или его части) своего рода моды на определенную систему ценностей («мода» на религиозность, сентиментальность, «байронизм», нигилизм, героизм, интеллектуализм и т.д.) и приобщением к этой «моды». Диктат «моды» весьма часто провоцирует ложную идентичность и тем самым не позволяет состояться истинному самоопределению личности.

Эстетические приоритеты и виды удовольствия, несомненно, можно рассматривать как один из значимых идентификатов. Эстетическая же функция произведений искусства (в том числе и литературных) считается «первой и, видимо, основной», и «художественной литературой будет являться всякий словесный текст, который *в пределах данной культуры* способен реализовать эстетическую функцию» [7, с. 203]. Но если в более ранние эпохи прекрасное соотносилось с полезным, то, думается, с эпохи гуманизма сущность прекрасного стали видеть как раз в отсутствии утилитарной цели.

Итак, художественная литература как будто призвана развивать в читателе способность видеть красоту, идентифицировать себя с тем или иным типом прекрасного, ценить его и наслаждаться им. Однако фиктивная действительность литературного произведения – сколь угодно талантливый *симулякр* – обладает, по-видимому, столь же *фиктивной* красотой – «тенью тени тени» реально существующей красоты (см. выше). Это – первое. Другая сложность: собственно красота как эстетическая категория весьма неопределенна и вообще трудно определима как в теории, так и на практике: идеал красоты меняется от эпохи к эпохе, как мода («нижний уровень» эстетики); недаром же Ю. М. Лотман уточнил: «*в пределах данной культуры*». И значит, по большому счету, художественная литература не столько воспитывает в читателе вкус и чувство красоты, способствуя его самоидентификации по данному критерию, сколько

авторитетом писателей-классиков и маститых литературоведов формирует, утверждает, поддерживает, а порой и навязывает эстетические стереотипы, то есть опять-таки предлагает читателю вместо ответственной самоидентификации выбор между яркой этикеткой и прокрустовым ложем.

С категорией прекрасного как значимым идентификатом неразрывно связан и идентификат *гедонистический*: вид удовольствия, который наиболее близок данному индивиду. Причем убежденность о том, что литература должна доставлять удовольствие («Порой опять гармонией упьюсь...», А. С. Пушкин. Элегия), все чаще берет верх над представлением о том, что она должна наставлять и помогать познавать мир. Однако и эта, столь очевидная, казалось бы, способность художественной литературы на поверку оказывается симулякром. Прежде всего – «у каждого свой вкус: кому нравится арбуз, а кому – свиной хрящик», и то, что одному доставляет удовольствие, у другого может вызвать отвращение, даже среди профессиональных литераторов и литературоведов; тому – множество примеров. Далее, писатель (или группа писателей-единомышленников) способен транслировать в своем произведении лишь собственную идентичность – *свое собственное* представление об удовольствии. А если учесть, что это представление к тому же – симулякр, то литературное произведение представляется своего рода наркотиком, пристрастие к которому доставляет весьма опасное для духовного здоровья удовольствие.

Вместе с тем нельзя не сказать и о тех идентификатах, которые художественная литература несомненно и успешно предоставляет, – это возможность самовыражения/самоутверждения, очень важная для формирования идентитета индивидуума. По сути это психологическая сублимация – переключение неконтролируемых эмоций в осознанный процесс литературного творчества (для писателя) или же целенаправленное постижение идей литературного произведения (для читателя). Процесс моделирования реальности (причинно-следственных связей бытия, стратегий выстраивания отношений в социуме, способов разрешения конфликтов и гармонизации общества и т.д.) для писателя и освоение предложенной модели для читателя позволяют ослабить напряжение между желаемым и действительным, подменяя невозможные по тем или иным причинам действия и события их симулякрами. При этом словесно оформленные симулякры переживаются совершенно реально, возбуждая эмоции, тождественные тем, которые вызываются реальными обстоятельствами, – «над вымыслом слезами обольюсь» (А. С. Пушкин. Элегия). Отсюда и возможность *катарсиса*, причем не только для читателя,

но и для самого автора. Однако такой катарсис бесплоден, ведь он не ведет к духовному преображению; скорее даже вреден, поскольку отвлекает человека от собственно идентификации – выстраивания реальных отношений с окружающей его действительностью. Кроме того, действительность никогда не совпадет с художественным симулякром (см. выше), и перед ее суровым лицом «благородный читатель» остается по-прежнему беспомощен и незащищен. Ведь так легко, порывав над вымышленной трагедией или возмущившись вымышленной (пусть и «типической в типических обстоятельствах») несправедливостью, решить, что обладаешь утонченной, чистой и честной натурой, не являясь таковой и не приложив к тому ни малейшего усилия.

Таким образом, мы приходим к следующему выводу: не имея по природе своей оригинала (не только онтологического, но даже и эмпирического), литературное произведение как будто неспособно дать адекватное представление о бытии. Оно есть образ образа бытия в сознании писателя – «тень тени тени истины» и, значит, не может способствовать истинной идентификации личности.

Вместе с тем очевиден целый ряд исключений – произведений литературы, которые невзирая на смену культурных эпох и мод и вопреки всем приведенным выше аргументам остаются своеобразными светочами и мощными идентификатами.

Следовательно, нужно разобраться, при каких условиях симулякр, каковым является литературное произведение, может все-таки выступать как мотиватор поиска истинной идентичности. Ответ очевиден – в тех случаях, когда он лишь кажется симулякром. Понять, о чем идет речь, поможет обращение к платоновским типам «божественных инспираций», а конкретно – характеристика творчества поэта и философа в девятичленной иерархии творцов (см. «Государство», «Федр»).

Платон полагал, что творчество поэта, как и философа, инспирируется Демиургом и оба они «божественно безумны» в творческом акте: «Кто без неистовства, посланного Музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он благодаря одному лишь искусству станет изрядным поэтом, тот еще далек от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых» [5, с. 245]. Но это «безумие, или неистовство», как показывает Платон, обладает поэтом и философом по-разному. Поэт, в отличие от философа, не в состоянии постичь сущность вещей – «то, что вечно тождественно самому себе» [6, кн. VI, 484b], «то, чем божествен бог» [5, с. 249]. Иначе говоря, поэт не способен постичь смысл им же самим вдохновенно сотворенного – ни в процессе творческого акта, ни по его

завершении. Душа поэта остается не затронутой божественной инспирацией: поэт не идентифицирует себя со своим же «творческим продуктом» и продолжает воспринимать мир, в том числе и свои собственные произведения, в своей устоявшейся идентичности. Таким образом, поэт у Платона выступает как совершенно пассивный инструмент божества, поэтому и результат «божественного безумия» поэта – не симулякр (как у софиста), а образ первообраза, запечатленный самим Демиургом через поэта, но *не касаясь личности* поэта. Не изменяя своей идентичности, поэт, тем не менее, создает произведения, возводящие к Первообразу и потому могущие способствовать истинной, осознанной и ответственной идентификации читателей (при условии, разумеется, что читатель конгениален произведению; не автору).

Вполне в духе платоновских размышлений о разных видах «божественного безумия» В. Г. Белинский называл собственно «творческими» именно произведения «вдохновенные», противопоставляя их «механическим произведениям рук человека». «Созданным, или творческим, – пишет В. Г. Белинский, – называется все, что не может быть произведено соображением, расчетом, рассудком и волею человека <...> но что непосредственно является из небытия в бытие <...> творческою силою духа человеческого, и что, в противоположность изобретению, должно называться **откровением**» [8, с. 289].

Таким образом, художественная литература в той ее части, которая создается под воздействием «божественной инспирации», может быть фактором и мотиватором истинной идентичности. Те же литературные произведения, которые, согласно мысли В. Г. Белинского, «изобретаются соображением, расчетом, рассудком и волею человека», по-видимому, не способны содействовать идентификации личности, но лишь навязывать или «вводить в моду» ту или иную идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современная энциклопедия // Академик. – URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/27074> (дата доступа : 16.06.2024).
2. Уэллек, Р. Теория литературы / Р. Уэллек, О. Уоррен. – М. : Прогресс, 1978. – 328 с.
3. Фрейденберг, О. М. Миф и театр. Лекции / О. М. Фрейденберг. – М. : ГИТИС, 1988. – 132 с.
4. Софронова, Л. А. О проблемах идентичности / Л. А. Софронова // Культура сквозь призму идентичности. – М. : Индрик, 2006. – С. 8–23.

5. *Платон. Федр* / Платон. – URL : <https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/LosevH/0204.htm> (дата обращения : 16.06.2024).
6. *Платон. Государство* / Платон. – URL : <https://psylib.org.ua/books/plato01/26gos01.htm> (дата обращения : 16.06.2024).
7. *Лотман, Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература»* / Ю. М. Лотман / Избр. ст. : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 203–216.
8. *Белинский, В. Г. Идея искусства* / В. Г. Белинский // Собр. соч. : в 9 т. / редкол.: Н. К. Гей, В. И. Кулешов [и др.]. – М. : Худож. лит., 1976–1982. – Т. 3: Статьи, рецензии, заметки. Февраль 1840 – февраль 1841 / Ю. В. Манн. – 1978. – С. 278–293.

Поступила в редакцию 28.06.2024